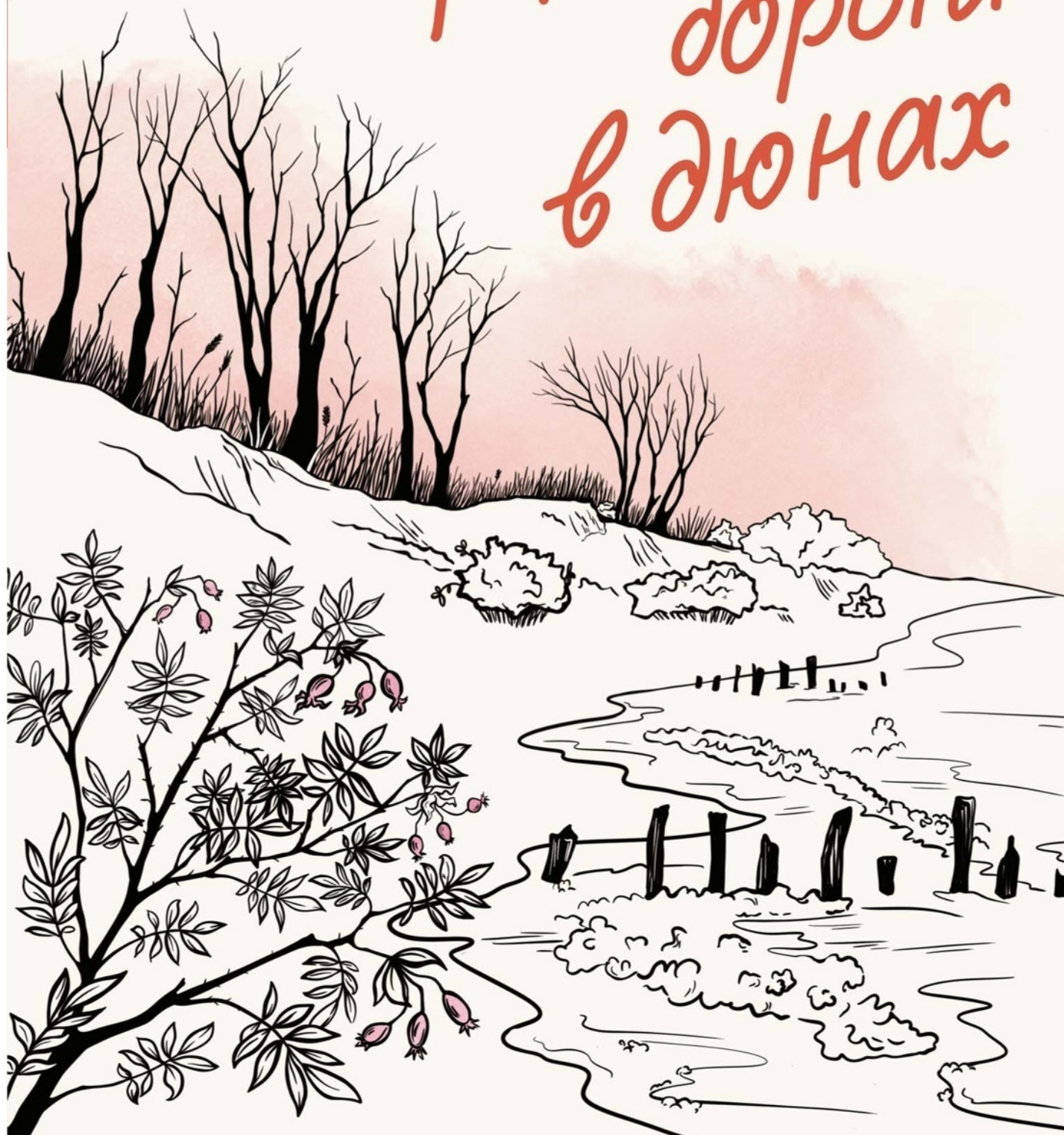

КАК
МЫ
ЖИЛИ

Олег Руднев

Долгая дорога в дюнах

Как мы жили. Лучшее в советской прозе

Олег Руднев

Долгая дорога в дюнах

«Азбука»

1982

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Руднев О. А.

Долгая дорога в дюнах / О. А. Руднев — «Азбука», 1982 — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе)

ISBN 978-5-389-26231-7

Когда по телевизору показывали «Долгую дорогу в дюнах», пустели улицы городов. Олег Руднев рассказал историю, вызывающую подлинные и сильные эмоции. И прежде всего — безграничное сочувствие к героям, которые могли бы быть счастливы, если бы не... Не война, не смена власти, не страшные обстоятельства. Марта и Артур шли навстречу друг другу тридцать лет и ни на миг не переставали любить, не забывали друг о друге. Любовь хранила их, не давала пропасть, сгинуть. Они оставили себе право мечтать и надеяться, и эта мечта делала, их свободными. Сегодня, спустя много лет, книга по-прежнему читается с большим интересом именно потому, что она о настоящей жизни, в которой добро и зло всегда рядом и нет абсолютного счастья, но есть любовь, которая как награда, дается тем, кто в нее верит.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-26231-7

© Руднев О. А., 1982

© Азбука, 1982

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Олег Руднев

Долгая дорога в дюнах

© Руднев О., наследники, 2024

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024 Издательство
АЗБУКА®

Глава 1

Море...

Сегодня оно несло к берегу мутно-прозрачные зыбкие горы. Кружило их, сталкивало и с грохотом обрушивало на мелководье. Широкие пенные языки с жадным шипением вылизывали отмель, подбирались к остову старого, изглоданного временем карбаса. В поселке уже никто не помнил, как и когда очутилась здесь эта дырявая посуда – брошенная за ветхостью или вынесенная невесть откуда шалой волной.

Печальный символ утлой рыбацкой судьбы.

Набухшие клочкастые облака нависли над землей так низко, что трудно было представить: где-то там, за ними, могут быть покой и солнце.

Зента сидела на сером холодном песке, бессильно привалившись к борту. Закутанная в черное, с выбившимися из-под платка прядями седых волос, она казалась старухой.

Увертываясь от ветра, к карбасу подошла Айна.

– На-ка, поешь, – протянула Зенте завернутую в полотенце миску.

Зента не шевельнулась.

– Господи! – с отчаянием выдохнула Айна. – Проглоти хоть кусок!

Но Зента не слышала. Айна заплакала, опустилась на песок рядом с подругой.

– Околеешь ты здесь... Кому от этого польза?

Так и не дождавшись ответа, отряхнула подол, сказала хмуро:

– Ладно. Мне доить пора. Миску, когда пойдешь, не забудь.

Она уже отошла на порядочное расстояние, когда Зента вдруг позвала каким-то странным, сдавленным голосом:

– Айна, смотри!.. – и медленно поднялась.

Женщина обернулась, вглядываясь в кипящий волнами простор.

– Господи!.. – и бросилась вверх по дюнам, к поселку. – Люди! На помощь! Люди!

В поселке ударил колокол. Из домов стали выбегать рыбаки, на ходу запахивая брезентовые куртки, нахлобучивая зюйдвестки. За ними тянулись на берег женщины, ребятишки. Стопившись на отмели возле карбаса, все они недоверчиво вглядывались в ревущее море. Кажется, там, за кромкой прибоя, и в самом деле что-то плясало на волнах. Но что? Обломок? Мачта? Человек, намертво вцепившийся в нее?

Андрис Калниньш – кряжистый, крепкий, с короткой бородкой на медно-красном лице задумчиво сунул в рот незажженную трубку. Если б хоть точно знать, что там – человек.

– Ну, что же вы? – гневно метнулась к рыбакам Зента. – Труссы! Ждете, пока его разобьет у берега? Это он, он! Я вижу! – Она подбежала к самому краю отмели, закричала, захлебываясь ветром: – Янка-а!

Черная стена воды выросла перед ней. Зента даже не успела испугаться. Калниньш выхватил ее из прибоя – мокрую, оглушенную.

– Иди к женщинам, Зента. – Он сунул трубку в карман. – Мы сейчас... – Кивнул рыбакам, и четверо самых дюжих мужиков поволокли с дюн лодку.

– Отец, гляди-ка! – Лаймон, плечистый парень с такой же, как у Калниньша, только еще мягкой бородкой, рывком сбросил с себя куртку – глаза его светились надеждой. – Вроде не зря стараемся.

– Цыц ты! – резко обернулся к нему Андрис. – Плюнь три раза.

– Всыпать бы тебе три раза, – добавил юркий, похожий на гнома Фрицис Спуре. – Знал бы тогда, как под руку каркать.

Но теперь и он ясно видел: волны подтаскивали свой загадочный груз все ближе. Конечно – мачта. И человек на ней. Похоже, даже рукой машет, зовет. Может, и кричит, да разве разберешь в таком грохоте?

– Раз, два! Навались! – рыбаки сунули лодку в приглубину за отбежавшей волной.

Но тут же встречный вал выбросил их на отмель. Чудовищной силы волна, вынырнув из свинцовой глубины, как щепку перевернула посудину, разметала бегущих людей. И выкинула, наконец, свой непонятный груз на берег: в песке, будто чудовище, корячилось огромное, вырванное где-то с корнями дерево. Мокро лоснился толстый, дочерна обглоданный морем ствол. С кривых, завитых в тугие узлы ветвей стекала вода. Издали их можно было принять за что угодно.

Калниньш молча сплюнул, повернулся и тяжело зашагал к дюнам. Рыбаки торопливо оттаскивали лодку – от греха подальше. Зента больше не упиралась. Послушно, безвольно, как больной ребенок, брела рядом с Айной. Торопилась уйти, чтобы не слышать этот злобный, торжествующий рев.

Ночью она лежала без сна, без дум. Так лежат покойники, которым забыли закрыть глаза. Неутихающий грохот шторма глухо доносился сквозь толстые бревна стен. От мерных ударов чуть заметно вздрагивало пламя свечи, оплывавшей в медном шандале.

Со стены, с фотографий, на нее смотрел Янис – молодой, чуть старше, чем теперь Артур. И так они похожи, отец и сын, – одно лицо. Рядом с мужем она – двадцатилетняя, в праздничном платье, со щекастым крепышом на руках.

Над берегом, по дюнам, на печальный звон колокола тянулась молчаливая цепочка людей, одетых в черное. Впереди шел священник. Лошадь с трудом тянула по песчаной дороге телегу с простым струганым гробом. И такими же простыми, будто вырубленными из дерева, казались лица людей – жителей рыбацкого поселка. Колокол, возвещавший о похоронах рыбака – море все же отдало свою жертву, – раскачивался на растрескавшейся от времени и ветров сосновой колоде у кладбищенских ворот. Однорукий печальный старик уныло дергал веревку.

Это маленькое сельское кладбище, приютившееся за дюнами, среди сосен, – последняя пристань рыбака. На аккуратных, заботливо убранных могилах, рядом с белыми крестами, можно было увидеть и маленький якорь – символ надежды и спасения в лучшем мире. Когда гроб опустили на песок у края свежевыкопанной могилы, пастор скорбным взглядом обвел прихожан и начал:

– Простимся, братие, с почившим в твердой и праведной вере рабом Божиим Янисом.

Опустив головы, слушали пастора Андрис Калниньш и его сын Лаймон, Фрицис Спуре с дочкой Бирутой, рыжебородый Марцис, Друкис, Петерис с толстухой Эрной, другие односельчане. Айна, жена Калниньша, поддерживала под руку тихо плачущую Зенту – вдову погибшего.

– Возлюбленный брат наш, твой муж, Зента, – продолжал пастор, – Янис Банга – да упокоится душа его на небеси – был добрым христианином и добрым рыбаком... Вспомним же, что и любимейший ученик господи нашего, Иисуса Христа, апостол Петр был тоже рыбак. В опасных трудах неводом в пучине вод добывал свое пропитание... Вознесем же смиренную молитву нашу в великой надежде... Ибо каждого, почившего в твердой и праведной вере, господь, возлюбивший нас, приведет в царствие свое.

Пастор кивнул рыбакам, и они, подхватив концы длинных полотенец, начали опускать гроб в яму. Забилась в рыданиях Зента, Айна крепче прижала ее к себе. Пастор подошел к краю могилы и, взяв горсть земли, произнес простые, как эта земля, и такие же вечные слова:

– Из праха восстал – в прах и отыдешь. Аминь!

С глухим стуком упала на гроб первая горсть земли. Потом и лопаты подхватили сырой песок.

Артур – в распахнутом форменном кителе, с зажатой в руке морской фуражкой – вбежал, запыхавшись, в ворота кладбища. И хотя он едва не опоздал, теперь невольно задержал шаг, медленно пошел к могиле. Встретившись с ним глазами, Зента только всхлипнула громче и спрятала лицо на груди сына. Так они и стояли – молча, неподвижно, пораженные жестокой правдой. Потом Артур осторожно отстранился и, нагнувшись, тоже взял горсть земли. Смутный шум моря и сосен баюкал грустную кладбищенскую тишину.

Свадебная фотография в полированной рамке – Янис Банга в подпирющем подбородок крахмальном воротничке, в галстук, рядом с ним Зента в подвенечном платье, с миртовым венком. Этот трогательно-наивный снимок – неременная принадлежность любого рыбацкого дома – сейчас, на поминках, щемил сердце всем, кто пришел к Бангам. Во главе стола, где обычно сидел хозяин, стояли глиняная кружка, перевернутая тарелка и одинокая свеча.

Айна помогала Зенте хозяйничать. Они ставили на стол все новые миски с картошкой, рыбой, подливами, наполняли пивом кувшины. Но рыбаки к еде почти не прикасались. Молча сидели над кружками. В тягостную тишину глухо падали звуки – поскрипывание половиц под ногами, звяканье посуды, далекий собачий лай. Андрис Калниньш глянул на Артура, сидевшего рядом с пустым стулом отца, и сдавленно пробубнил:

– Ну, помянем твоего отца.

Рыбаки подняли кружки.

Аболтиньш, трактирщик, ввалился в комнату задом, разводя пухлыми локтями.

– Под низ, под низ подхватывай! – шептал он кому-то в сенях. Да нет, так не пройдет, на попа ставь, на попа!

Следом за Аболтиньшем в комнату протиснулись бочка и трое тащивших ее парней в форме айсаргов¹. Трактирщик обернулся, наконец, к сидящим, кивнул Лаймону:

– Помоги-ка!

Тот встал, помог парням взгромоздить тяжелую дубовую бочку на скамью. Аболтиньш подошел к Артуру, положил руку на его плечо:

– Крепись, парень, – и обернулся к Зенте: – Ты уж извини, Зента, на кладбище не успели, – он кивнул на одного из айсаргов, – с сыном ездили за товаром в уезд.

Хозяйка засуетилась, подставляя пришедшим чистые приборы. К столу, рядом с Зигисом – щуплым отпрыском трактирщика, – присели и братья Петерсоны – Бруно и Волдис – сыновья лавочника из соседнего поселка. Оба крепкие, рослые, знающие себе цену парни. Аболтиньш постучал вилок по кружке.

– Draugi! Я хочу сказать... – он оглянулся на сына и вдруг спросил: – Зигис, в чем дело? Для чего мы тащили свежее пиво?

Отпрыск бросился к бочке – тугая струя ударила в кувшин.

– Друзья! – повторил Аболтиньш, подняв пенящуюся кружку. – От нас ушел замечательный человек, наш друг Янис Банга... Такая уж доля рыбацкая. Сегодня он, завтра еще кто-то... Но Янка... Да что там говорить!.. Какой был рыбак! Какой дом поставил! Какого сына вырастил! Помянем его душу светлую.

Все молча выпили. Андрис, поднявшись из-за стола, угрюмо буркнул:

– Пойти покурить...

За ним поднялись Марцис, Лаймон, Фридис Спуре, другие рыбаки. Стопились во дворе возле опрокинутой лодки.

– Благодетель! На пиво расщедрился, – зло сплюнул Спуре, набивая трубку. – Рыбак трактирный.

---

¹ Члены кулацко-фашистской военизированной организации в буржуазной Латвии.

К Улдису Аболтинишу отношение в поселке было одинаковым: его не любили и боялись. Уж больно хищной оказалась эта рыбина для доверчивых и простодушных рыбаков. Рыжий, худой, угодливый, он каким-то непостижимым образом быстрее всех умудрялся оказаться там, где случалась беда. Одалживал, ссужал, перекупал, посредничал... Уже через полгода жизни на побережье – Аболтиниш обосновал здесь трактир в тридцать втором году – в поселке не осталось ни одного человека, не обласканного им. Даже Озолс, и тот частенько оказывался после выпивки в должниках у трактирщика.

Аболтиниш никогда не торопил клиентов. Он даже не любил, когда рыбаки расплачивались сразу. Что, мол, за мелочные счета со своими – успеется. А потом Озолс не раз ловил себя на мысли, что не может вспомнить, сколько же в действительности выпил рюмок. Надо бы, конечно, заплатить сразу, тогда и голова не пухла бы от сомнений, но у кого хватит духу так сразу взять и расстаться с деньгами. Тем более, если тебя не торопят.

Труд у рыбака тяжелый, как волна в штормовую пору. Терпит рыбак, терпит, гнется на веслах, гнется, а потом как расправит плечи, как полыхнет жаркой удалью. Эх! И пойдет гулять.

Сколько выпито, сколько съедено, один господь знает, да не скажет, Аболтиниш тем более.

Жена под стать мужу-трактирщику. Посоветовать, погадать, принять роды, дать зелье от простуды, сшить, раскроить, сварить, посолить, накоптить, высушить – она тут как тут. Сын Зигис – вылитый отец. И всегда при родителе. Встретит, проводит, подаст, нальет, подогреет, остудит, улыбнется, музыку вкрутит... Радуйтесь, горемыки. А на утро... Черт его знает, как оно случилось. Ты уж, Улдис, не гневайся, обожди. Вот сходим в море... Да что вы, друзья, о чем разговор? Нам ли считаться? Идите с миром. Вот и все. До следующей попойки. Страшный человек Аболтиниш. Без него трудно, а с ним еще труднее. Протяни палец – всю руку отхватит.

Думая о своем, вздохнул Марцис:

– Эх, Янка, Янка, отчаянная башка! Ну кто его гнал одного в море?

Рыбаки покачали головами, толковали невесело: «Думал, ему вместо салаки золото в сети поперет», «Дом-то новый, денежку тянет», «Да-а... Туго им теперь придется. На одной страховке из долгов не выплывут». Молчавший до сих пор Калниньш выбил трубку:

– Надо бы им как-то помочь.

– Может, правление? – неуверенно подал голос кто-то из рыбаков.

Калниньш насмешливо прищурился:

– Держи карман шире. Скажи спасибо, если похороны оплатят. Помнишь, как было с Эриком? – Он замолчал, увидел вышедшего на крыльцо Артура.

– Что же вы тут? – глухо спросил тот. – Мать к столу просит.

Рыбаки пошли в дом. Калниньш на секунду задержался, положил ему руку на плечо:

– Я уж думал, отца без тебя похороним.

– В рейсе были.

– Ну а как дальше с твоим училищем будет?

Артур пожал плечами. Что он мог ответить? Неужели Калниньш не понимает, какое у него положение? Плата за учебу, кредит, взятый на постройку дома, долги по мелочам, долги покрупнее... А мать? Кто станет ее кормить, заботиться о ней?

Вспомнился отец. Неугомонный, отчаянный, никогда не терявший надежды неудачник-оптимист, он так и не смог смириться с нуждой, опутавшей их по рукам и ногам. Такой уж он был человек, отец: верил в свою планиду, рвал жилы, недоедал, недосыпал, а сняться с мели никак не мог. Видно, счастье ему попало особое: вот-вот, казалось, забрезжил просвет на горизонте – дом новый поставил, лодку купил, сына определил на капитана учиться – и вдруг, на тебе, все прахом пошло. Начинай сначала, молодой хозяин.

Кто не сталкивался с рыбацким трудом, тому трудно представить жизнь на побережье. В стужу и зной, днем и ночью, в дождь и туман, с напарником и в одиночку, здоровый ты

или больной, молодой или старый, паши и паши это проклятое море, таящее в своих глубинах самые неожиданные и коварные сюрпризы. До кровавых чертиков в глазах, до хруста костей, до треска лопающихся жил. Язык прилипает к гортани, сердце вот-вот готово вырваться из груди, а волна все бросает тебя вверх-вниз, вверх-вниз. Глотай соленый воздух и лови, черпай обессиленными руками свое счастье. Сто раз забросишь, один раз поймаешь. Изо дня в день, из жизни в жизнь, от отца к сыну, от сына к внуку.

Земля у рыбака не в счет – так, самая малость – клочок у дома. Скота – и того меньше. Море – единственный кормилец. Оно давало жизнь, но оно же и отбирало силы, каплю за каплей. Ни на что другое их уже не оставалось. На доходы не разгуляешься. Рыба – товар нежный, скоропортящийся: вовремя не продал – считай пустую сеть вытащил. Скупщики, перекупщики – хитрый народец – прекрасно знали это и диктовали свою цену. Не нравится, поступай как знаешь. А куда денешься? Потацишь улов на рынок? Пробовали. Себе дороже получалось. Построить ледник, коптильню? Пороху не хватит. К тому же с утлыми лодчонками, рваными сетями да пустыми карманами далеко не уплывешь. Кто-то наживался, а кто-то как был, так и оставался у разбитого корыта.

В середине тридцатых додумались, правда, до акционерного общества «Рыбак» с центральным правлением в Риге и местными отделениями по всему побережью. Организаторы на посулы не скупались. Они обязывались обеспечивать рыбаков кредитами, сетями, моторами, горючим, но, само собой, не безвозмездно: те, в свою очередь, должны были сдавать уловы только представителям общества. С этого времени многое вроде бы изменилось в поселке: появились моторные лодки, добротные сети, стали богаче уловы, не надо было ломать голову, как и куда сдать рыбу. Но нужда почему-то осталась прежней. Кредиты приходилось возвращать. Кое-кто залезал в такие долги, из которых выпутаться собственными силами уже был не в состоянии. И тогда оставалось одно: отрабатывать их своим горбом.

Впрочем, были на побережье и довольные. Управляющий отделением в поселке Якоб Озолс не мог пожаловаться на судьбу. Твердый оклад, регулярные добавки от прибылей за реализованный товар изо дня в день увеличивали его и без того завидное состояние. Однако здесь, пожалуй, следует рассказать кое-что поподробнее.

Всю жизнь Озолсы и Банги были соседями. Притом не просто соседями, а друзьями. В прежние времена их объединяло многое: и нужда, и общность взглядов, и страстная жажда разбогатеть. Даже внешне Якоб Озолс и Янис Банга были похожи. Их часто принимали за братьев, и в этом не было ничего удивительного. Они всегда вместе рыбачили в море, вместе уходили зимой на озера, батрачили, слонялись по Риге, не гнушаясь никакой работой – лишь бы деньги платили. Никогда не считались между собой и готовы были отдать друг за друга душу. Впрочем, имелась у них одна несхожесть: Банга делал все весело, как бы играючи, с деньгами расставался легко и просто, Озолс, напротив, к работе относился с угрюмой сосредоточенностью, а заработанное тратил неохотно. В остальном же они действительно были как братья. Правда, до поры до времени – пока оба не влюбились в одну девушку. Ухаживали за ней честно, не подставляя друг другу ножку, не используя хитрых уловок и не применяя недозволенных приемов. Но что поделаешь – любовь есть любовь. И порождает она не только добрые чувства. Ей сопутствуют и зависть, и восторг, и ревность, и боль, надежда и отчаяние. Побеждает всегда один. По-другому еще никогда не получалось.

Так вышло и здесь. Зента, молодая красавица-рыбачка из соседнего поселка, постепенно стала отдавать предпочтение Банге. Это и дало первую, едва заметную трещину в их взаимоотношениях. Нет, внешне они по-прежнему оставались друзьями – верными и преданными. Подумаешь, предпочтение... Это дело такое, думалось Озолсу, сегодня повезло Янке, а завтра, глядишь, подфартит и мне. О том, чтобы отступить, не могло быть и речи. Но тут случилось одно обстоятельство: Якоб потерял ногу. Произошло это глубокой осенью во время сильного урагана, налетевшего на побережье. Надо было спасать карбасы – их уже захлестывали волны,

Озолс одним из первых бросился в воду и, не задумываясь, подставил плечо, чтобы оттащить лодку к берегу. Однако, не сделав и двух шагов, не смог удержаться на ногах, поскользнулся. Налетевшая волна ударила в спину и завершила дело: Якоб упал, товарищи не сумели удержать карбас и он, рухнув всей тяжестью вниз, раздробил парню ногу.

Врачи были бессильны. Через полгода Озолс, осунувшийся и посеревший, с поблекшими от боли и отчаяния глазами, появился в поселке и, как немой укор, проковылял на костылях к своему дому. Он ни с кем не хотел общаться. Даже с лучшим другом Янкой обменялся несколькими скупыми, ничего не значащими словами. И надолго замкнулся в своем одиночестве и горе. Рыбаки решили помочь товарищу – сбросились, заказали протез в Риге. Якоб протез принял как должное, поблагодарил, но помрачнел после этого еще больше. Видно, воспринял поддержку как милостыню, брошенную несчастному калеке. Милостыню жалкую и унижительную. Деревяшкой, мол, откупились.

Настроение Якоба усугублялось еще и тем, что за время его отсутствия лучший друг Банга женился на Зенте. И хотя здравый смысл должен был бы подсказать, что ничего сверхъестественного не произошло – симпатии девушки так или иначе еще и до несчастья склонялись в пользу Янки, – Озолс без устали терзал свое воображение: это случилось, думал он, только потому, что Янка нечестно воспользовался его бедой. Теперь трещина между ними разошлась настолько, что перешагнуть через нее становилось все труднее и труднее. Встречались все реже. При этом, как правило, по необходимости или случайно. Озолс к Бангам не заходил. Ему было невмогуту видеть чужое семейное счастье, ловить на себе сочувствующие взгляды, выслушивать утешения. Он все больше ожесточался и замыкался. Мать Якоба, робкая, безответная старуха, – отца Озолса шесть лет назад задавило на лесоповале – обливалась горючими слезами, но ничем помочь сыну не могла. Якоб озлился на весь мир. Особенно на тех, кто находился рядом. Им он не прощал ни здоровья, ни успехов, ничего не прощал. Когда забывали о его существовании – мало ли у людей своих забот и хлопот, – Якоб переполнялся желчью и обидой. Когда друзья вспоминали о нем и приходили на помощь или просто с добрым словом, Озолс раздражался еще пуще прежнего. Он не хотел принимать подачек, никому не верил и продолжал страдать от своего бессилия и обездоленности. Даже слезы матери принимал не с теплой сыновней благодарностью, а с холодным недоверием. Ему всюду что-то мерещилось, в каждом слове он находил другой, скрытый смысл, а самое главное – ему становилось невмогуту ежедневно встречаться с Янкой и его молодой женой.

Потом Озолс неожиданно исчез. Ушел, чтобы никому не мозолить глаза и себе не надрывать душу. Он ни с кем не советовался, ни с кем не прощался. Даже дома не сказал, куда и зачем уходит. Потом мать стала получать от сына короткие, скупые записки, небольшие денежные переводы, но где он находится и чем занимается, Озолс не сообщал. Так длилось около двух лет. И вдруг он объявился в поселке. Даже не один, а с молодой женой – тихой, болезненной на вид женщиной, примостившейся рядом с ним на добротной повозке, которую бойко тащила довольно приличная лошаденка. Сзади за телегой плелась корова. Появление блудного сына, да еще с женой, да к тому же на собственной лошади и с коровой, вызвало у рыбаков много толков и пересудов. Кто такая, откуда? Сам Озолс по этому поводу не распространялся. Зажил своим миром, с жадной ненасытностью набросился на работу. Поправил дом, прикупил земли, обзавелся лодкой. Сам в море – куда ему на деревяшке – не пошел, нанял двух работников. Рыбаки дивились: откуда что взялось? Кто-то пустил слух, что Якоб женился на деньгах. Как потом выяснилось, это было правдой. От людского глаза не скроешься.

В поисках пристанища судьба занесла молодого рыбака далеко от дома, на хутор к богатому хозяину. Здесь ему повезло – сказала прирожденная способность парня к различным ремеслам: он неплохо шорничал, столярил, ловко управлялся в кузнице. Хозяин быстро смекнул, какую выгоду может принести новый работник, и уже через несколько дней они ударили по рукам. Сговорились на год. Для начала – на половинном жаловании. Хитрый хуторянин

отлично понимал, что одноногому деваться некуда. Если б он тогда знал, во что обойдется ему собственная жадность!

Затаив в душе обиду, новый работник не без корысти присмотрел одну из трех хозяйских дочерей, Дзидру, – неприметную и хилую девушку. Она была настолько невзрачна, что отец, несмотря на солидное приданое, не надеялся выдать ее замуж. Озолс рассчитал точно: сестры помоложе и покрасивее могут и не клюнуть на работника-калеку. Да и отец, случись что, наверняка заартачится. А с этой... Чем черт не шутит – дело могло и выгореть.

Прицел оказался верным. Что предпринимал Якоб, какие говорил слова, как ухаживал – все это осталось скрытым от людских глаз. Никто ничего не замечал до той поры, пока «Золушка» сама не бросилась со слезами на глазах в ноги к отцу, и, заламывая от отчаяния руки, не объявила, что она на сносях. Озолс тоже был здесь. Он стоял поодаль, хмуро, из-под лба наблюдая за происходящим. Вначале все шло именно так, как он и предполагал: хозяин без долгих колебаний выгнал вон неблагодарную дочь и коварного оболъстителя. Выгнал, как вышвыривают нашкодившую собаку. Без жалости и без всяких средств к существованию. Молодая безутешно рыдала, Озолс загадочно усмехался. Он знал – должно пройти время. Знал и дождался. Разгневанный родитель постепенно успокоился, поразмыслил и пришел все-таки к выводу, что дело складывается не так уж и плохо: с помощью этого хромого кобеля можно и обузу с плеч сбросить, и на приданом сэкономить. Поартачившись для виду денек-другой, он сам разыскал негодников, отчитал для порядка, о чем-то переговорил с соблазнителем и, наконец, простил. Даже кое-что выделил для начала: лошадь, корову, немного денег. Но Якоб остался доволен и этим. Теперь можно было начать задуманное.

Словом, когда закончилась Первая мировая война и Янка вернулся в поселок – Бангу призвали в девятьсот четырнадцатом и он, как говорится, отрубил от звонка до звонка, – солдат не узнал бывшего друга. Озолс раздобыл, залоснился, его движения и речь стали неторопливо значительными, во взгляде заледенела сытая барская снисходительность. Ну что, мол, выкусили?

Работал он, правда, как одержимый. Не давал покоя ни себе, ни близким. С толком использовал каждый сантиметр – здесь у него тоже прорезался особый талант – и вскоре стал самым солидным человеком в поселке. Теперь уже к нему потянулись за помощью. Яков не отказывал. Ссужал, одалживал, благодетельствовал... Конечно, не безвозмездно. Он как бы возвращал долги – со сладостным, мстительным упоением. Богатство Озолса росло, разбухало на глазах. Как по мановению волшебной палочки возникали новый дом, очередной надел земли, кусок леса, мельница, лодки... Теперь он давал работу, диктовал условия жизни в этом крохотном мирке на берегу Балтийского моря.

Жену Озолс не замечал настолько, что даже удивился, когда она, вдруг отчаянно вскрикнув, упала посреди двора прямо на землю. С чего бы это? Удивился и тут же забыл. О том, чтобы дать жене передышку, позволить отдохнуть или хотя бы поваляться лишней часок в постели, об этом не могло быть и речи. От зари до зари, не покладая рук, не разгибая спины, не надеясь на участие или снисхождение, она работала, работала и работала. До тех пор, пока страшная боль не парализовала ее тело и волю. Кричала она недолго, словно боялась нарушить покой мужа, и родила девочку.

Озолс, узнав об этом, досадливо крикнул: судьба и здесь хлестнула по его самолюбию. Всего год назад Зента подарила Янке прекрасного мальчишку, наследника. Якоб равнодушно согласился назвать дочь Мартой и вновь забыл о существовании жены. На сей раз не надолго. Когда сообщили, что Дзидра умирает, его охватило не столько чувство жалости, сколько досады: нашла время, в самую страду.

Возвращаясь с кладбища, он вдруг поймал себя на мысли, что совсем не помнит, каким было лицо у жены. И тут же успокоился – нет так нет. Что уж теперь заниматься покойниками, когда своих дел невпроворот. Надо решать, кто присмотрит за ребенком, кто возьмет на себя

хозяйство? Мать ослабела настолько, что уже не вставала с постели. Одному не под силу, а кому попало не доверишься. Была бы родня как родня... Неподалеку от Цесиса на собственном хуторе жила сестра Якоба с мужем и тремя детишками. Женщина алчная, властная – такую только подпусти к добру. Где-то существовали еще родственники. Но к ним у Озолса с годами выработалось особое отношение: не знал он их раньше, не хотел признавать и теперь. Это были мухи, готовые слететься на сладкий пирог. Нет уж, лучше иметь дело с чужими людьми. И договориться проще, и расстаться, в случае чего, не так сложно. А что касается дела, так это зависит не от родственных чувств, а от самого человека, которого нанимаешь. Печется о хозяйском добре, не отлынивает от работы – милости просим, лодырничает, норовит урвать лишний кусок от чужого пирога – скатертью дорога.

У Озолса с некоторых пор зрела одна мыслишка. На краю поселка, в маленьком, подследповатом, скорее похожем на сарай домишке, жила молодая семья Петериса Зариньша – огромного меланхоличного мужика с вечно сонливым и придурковатым выражением лица. Это был самый бедный и самый неудачливый человек в поселке. Его давно не величали по фамилии, да он и сам ее, наверное, не очень-то и помнил – Петерис и Петерис. Зариньшу всегда доставалась самая черная работа, перепадали мизерные заработки и вообще его никто не принимал всерьез. У Петериса даже долгов не было, потому что ему не одалживали – все равно пропьет. Единственное, чем мог похвастать незадачливый рыбак, так это молодой женой. Как она ему досталась, эта развеселая вдовушка, для всех оставалось загадкой.

Эрна была предметом тайного вожеления многих, особенно – женатых мужиков на побережье. Ее имя произносилось с плутовской ухмылкой, всякое упоминание о ней доставляло бдительным женам немалые страдания. Стоило Эрне пройти по поселку – двигалась она эдакой небрежной, слегка покачивающейся походкой, как бы давая возможность получше разглядеть и оценить ее прелести, – как лица женщин наливались болезненной зеленью, в глазах зажигался злой блеск, а губы кривились, словно их омочили в уксусе.

Вдова-солдатка не скрывала своих притязаний на семейное счастье. Действительно, зачем притворяться? Не имея средств к существованию, с больной старухой-матерью и пятилетним ребенком на руках, могла ли она на что-то рассчитывать? Сегодня еще заглядываются, а завтра? Что будет завтра, когда она постареет и подурнеет? Эрна со злым торжеством наблюдала, как суетились подле своих благоверных ее недавние подруги, какими взглядами провожали ее – лакомый для поселковых мужиков кусочек. Гордо вскинув голову, она проходила мимо, оставляя за собой тревожный след неудовлетворенных желаний и страхов. А по ночам плакала. Потому что ничего путного не намечалось – так, баловство одно. Рыбаки поначалу шли на приманку, заплывали в ее конуру, не скупались на посулы, но, добившись своего, тут же выныривали на поверхность и поспешно швартовались в привычной семейной гавани.

Попытал было судьбу и Озолс, но безуспешно. Тут уж сама вдова заартачилась: кому-кому, а одноному мешку с деньгами она и вовсе не верила. Якоб был не на шутку озадачен и раздосадован. И хотя эта женщина, к его приятному удивлению, оказалась не такой ветреной, как о ней болтали в поселке, самолюбие Озолса все же было уязвлено: ему, да от ворот поворот?

Но именно в этот момент и случилось неожиданное: Эрна вышла замуж за Петериса, приютив его у себя в доме. Чего только ни плели досужие языки, каких только предположений ни высказывали. Но разгадки происшедшему не находили. В том числе и сам Петерис. Просто после очередной попойки Зариньш проснулся однажды рядом с Эрной у нее в постели, протер от изумления глаза, а спустя недолгое время узнал, что он – отец будущего ребенка. Может, кто другой и усомнился бы в этом, тем более, что Петерис ничего не помнил, но незадачливый любовник поверил. Он даже улыбнулся, что бывало с ним крайне редко. Вот, собственно, и все. А истинную правду мог рассказать только один человек – сама Эрна. Почувствовав, что она беременна – в последнее время к вдовушке похаживал Андрис Суна, рыбак из соседнего поселка, – и понимая, что у нее осталось только два пути: или веревку на шею, или затащить

мертвецки пьяного Петериса к себе в постель, Эрна после долгих и мучительных колебаний остановилась на Зариньше. Никого другого околпачить все равно не удалось бы.

Озолс, узнав эту новость, так расстроился, что напился до беспамятства. У него было такое ощущение, будто его нагло обворовали. Однако, поразмыслив, он быстрее других сообразил, что свадьба эта не случайна и что у бабенки, по всей видимости, не было другого выхода. А если так, то дело могло принять весьма неожиданный и интересный для Якоба оборот. В голове завертелась назойливая, соблазнительная мыслишка. Но он решил не спешить, приглядеться.

Эрна родила. Родила как-то подозрительно скоро, и в поселке снова заговорили о странном замужестве. Выходило, что Петерис соблазнил свою будущую жену по крайней мере за два месяца до свадьбы. Этому никто не верил, потому что связь Эрны с Андрисом Суной в особом секрете не держалась. Поползли сплетни, одна другой чернее и ядовитей. Поселковые кумушки с нетерпением ждали, что сделает Петерис. А тот, как ни в чем не бывало, утром уходил в море, вечером возвращался домой, помогал жене по хозяйству, нянчил ребенка. Если подворачивалась возможность, напивался. В общем, вел себя так, будто ничего вокруг себя не видел и не слышал. Рыбаки глядели ему вслед и озадаченно пожимали плечами: то ли блаженный, то ли прикидывается. Так или иначе, сплетни постепенно поутихли, страсти улеглись. Эрна ходила по поселку кроткая, тихая, вся какая-то просветлевшая и умиротворенная.

К тому времени у Озолса как раз умерла жена, встал вопрос о хозяйке. Вернее, о человеке, который мог бы позаботиться и о нем самом, и о его добре, и о сильно сдавшей матери. Якоб прикинул: тут как нельзя лучше подходят Петерис и Эрна. Она молодая, работающая. Такую подкормить, приодеть, приласкать – Озолс не оставил своих прежних намерений – по гроб жизни будет привязана и благодарна. А Петерис не помеха. Якоба вполне устраивал этот медлительный битюг. Почаще его запрягать да побольше наваливать в телегу. И пользу принесет, и ни черта не заметит.

Вскоре молодожены обосновались в доме Озолса. Обязанности Петериса определились сразу: коровник, конюшня, мельница – словом все, что потяжелее и погрязнее. Что же касалось Эрны, то здесь не все было понятно. То ли кухарка, то ли экономка, то ли... В поселке уже судачили: Якоб одним махом приобрел себе и батрачку, и любовницу. По общему мнению, должен был вот-вот разразиться скандал. Но убегало время, а ничего не происходило.

Напротив, все в этом странном треугольнике, казалось, были вполне довольны. Эрна на глазах захватывала в доме все большую власть, покрикивала на работников, а иногда и на самого хозяина, раздавалась в плечах и бедрах. Заплывал жирком и Озолс. Один Петерис, как и прежде, тащил свой воз. Тяжело, угрюмо, ни к чему не приглядываясь, ни во что не вмешиваясь. Единственное, что для него изменилось, так это то, что он мог теперь чаще прикладываться к рюмке. Днем работал, а вечером напивался. И хозяин этому не препятствовал, а даже способствовал. Все шло своим чередом. Именно так, как и предполагал Якоб. Размеренно, удобно, выгодно.

Мать умерла, Марта подрастала. Дочери Озолс почти не замечал. Копошится в доме какое-то существо, ну и пусть себе копошится. Одета, накормлена, чего еще? Марта росла тихой, замкнутой, малообщительной девочкой. Рано лишившись матери и почти не зная отцовской ласки, она чуть ли не с пеленок привыкла к самостоятельности, редко кого о чем-то просила, добросовестно и послушно помогала по хозяйству. Была неказиста: худенькая, бледненькая, с большими, вечно испуганными глазами. Какая-то вся нескладная и угловатая, она покорно склоняла голову, выслушивала замечания взрослых, никому не перечила. Озолс с жалостью и досадой поглядывал на дочь: справедливо, видать, говорится, что яблоко от яблони недалеко падает. Якоб с неприязнью вспоминал о своей покойной жене: вот уж наградила, так наградила.

Училась Марта хорошо, очень любила читать, но с детьми сходилась неохотно. Только в третьем классе подружилась с Бирутой Спуре, дочерью местного рыбака Фрициса. Впрочем, если говорить о привязанностях Марты, то, справедливости ради, следует заметить, что первый и настоящий друг у нее появился значительно раньше. Это был Артур, сын Яниса Банги. То ли потому, что соседи, то ли потому, что почти одногодки, то ли еще почему, но их всегда видели вместе. Они с одинаковым интересом строили на берегу песчаные крепости, лазали по деревьям, укладывали спать кукол и занимались вышивкой. Дивились поселковые женщины, кричали досадливо мужики: что за странный мальчишка, что за ненормальная девчонка?

Озолс поначалу не обращал внимания на их дружбу. Мало ли чем занимаются дети. Не хватало ему еще и этой ерунды. Но один маленький, казалось бы совсем незначительный случай заставил его насторожиться, посеял в душе смутную тревогу. Как-то невзначай, без всякой задней мысли он беззлобно пошутил над Артуром. Что-то вроде того, что у капитана два кармана, в одном пусто, в другом не густо – Артур сам в порыве откровенности признался соседу, что мечтает стать капитаном. Пошутил и удивился, как изменилось лицо дочери. Оно словно окаменело, в сужившихся глазах-щелочках вспыхнули недобрые огоньки. Ого! Вот ты, значит, какая! За внешней материнской безропотной покорностью скрывалась его, отцовская натура. Решив удостовериться в своем предположении, Якоб велел дочери не якшаться с соседским мальчишкой. Не потому, что и впрямь хотел прервать их дружбу – нет, ему просто хотелось проверить, исполнит ли Марта волю отца. Вышло, как он и предполагал: девочка не перечила, но сразу же после этого разговора убежала к своему дружку. Это и обрадовало Озолса, и огорчило. Он стал внимательней приглядывать за дочерью, постоянно открывая в ней что-то новое.

А потом случилось и вовсе невероятное: годам к двенадцати Марта на глазах удивленного поселка стала преображаться. Исчезли нескладность и угловатость, зарумянились щеки, неожиданной синью полыхнули глаза, набухли вишневой спелостью губы. Озолс дивился вместе со всеми. А потом стал проявлять к дочери непривычное внимание: запретил делать тяжелую работу, заново обставил ее комнату, закупил нарядов.

Теперь он как бы восполнял недоданное. Но ответного расположения добиться не мог. Марта принимала подарки, благодарила, однако по-прежнему оставалась замкнутой и малообщительной. Озолс подъезжал по-всякому: и с лаской, и со строгостью, но Марта замыкалась еще больше. Отец встревожился не на шутку. То, чему он не придавал значения, теперь обращившись против него большой неприятностью. Дружба его дочери с соседским мальчишкой принимала все более недвусмысленный и угрожающий оборот.

Если бы Якоба спросили, чего он пузе всего боится, тот, пожалуй, и не ответил бы. Не хочет отдавать дочь за бедняка? Конечно, было бы куда лучше заполучить зятя посостоятельней. Но разве это главное? Руки да голова на плечах – вот что нужно. Якоб не мог сказать об Артуре ничего худого. Скромный, работающий, не дурак. Следовало бы добавить: красивый, но это качество для Озолса существенного значения не имело. Он всегда оценивал человека не по шевелюре, а по мозолям. Что же тогда не устраивало привередливого родителя?

Озолс ни за что не хотел признаться даже самому себе, что дело не в Артуре, а в нем самом, в его незажившей и мучительной ревности. Когда-то Янис Банга увел у него Зенту – Якоб упрямо считал, что его бывший друг поступил нечестно. Теперь сын того же Яниса Банги намеревался увести дочь. Нет уж, дудки! Только не это. Был момент, когда Озолсу показалось, что судьба сжалилась над ним: Артура, наконец, приняли в морское училище, о котором тот мечтал с пеленок. «Ну и слава богу, – облегченно вздохнул Якоб, – с глаз долой, из сердца вон. Глядишь, и одумается девка». Но каково же было его отчаяние, когда через год, закончив гимназию, Марта объявила, что хочет поступить в университет, уехать в Ригу. Боже, как всполошился отец! Отговаривал, доказывал, что это занятие вовсе не для девушки, но Марта стояла на своем. Пугал Якоба, конечно, не университет, а то, что дочь окажется с Артуром в одном городе. Попробовал приструнить девушку, намекнув на недостаток средств для боль-

шой учебы. Она спокойно возразила, что найдет в городе работу, сколотит необходимую сумму и все-таки будет учиться. Словом, никакие доводы и увещевания не помогли. Марта уехала в Ригу, поступила в университет. Отец с ненавистью поглядывал на соседское подворье: неужели придется еще и породниться?

Взаимоотношения Озолса и Банги складывались весьма своеобразно: после возвращения с войны Янке и в голову не приходило, что он когда-нибудь станет просить помощи у своего бывшего товарища – очень уж чужим предстал новый Якоб. Мстительный, алчный и завистливый. С худой славой и нечистой совестью. Он попытался было вызвать Озолса на откровенность, поговорить с ним по душам – как-никак друзья, хоть и бывшие. Куда там! Якоб так высокомерно посмотрел на него, словно плевком смазал. Больше к этому не возвращались. Да и вообще встречались и разговаривали все реже. Не было такой необходимости.

Трудно пришлось Янке на первых порах. Хозяйство, и без того немудреное, окончательно развалилось. Единственная коровенка, и та околела. Как ни старались отец с матерью и невесткой, нужда обкладывала их все сильнее и сильнее. Спасибо еще старшему брату Модрису. Наезжал из Латгалии, помогал. Да много ли оторвешь от себя, когда у самого пять ртов? А родители Зенты – у нее единственный брат уже долгие годы скитался где-то на чужбине, – были настолько немощны, что им самим требовалась забота.

Янка брался за любую работу, соглашался на самые кабальные условия, пытался и так и эдак поправить дело, но ничего путного не выходило. Особенно туго скрутило в тридцатые годы. Порой доходило до того, что в доме не оставалось крошки хлеба. Зента несколько раз намекала насчет Озолса, но муж делал вид, что не понимает. Тогда она рубанула прямо, без обиняков: мол, без помощи соседа не продержаться. Янка сверкнул на нее бешеными глазами и в сердцах выскочил из дома. Он все еще надеялся удержаться на поверхности. Но беда, как известно, не приходит одна: вначале отошли в мир иной родители Зенты – умерли они почти одновременно. Затем с разрывом в полгода Янка похоронил своего отца, а за ним и мать. Расходы, связанные с похоронами, окончательно подкосили рыбака. Когда он, весь почерневший от пережитого, не зная, куда деться от стыда и унижения, пришел к Озолсу – это произошло девять лет назад, – тот глазам своим не поверил. Кого-кого, а Яниса Бангу в роли просителя он никак не представлял. Видно, крепко допекло мужика.

Надо отдать должное Якобу – он не стал чваниться перед бывшим другом. Ему было довольно и того, что Банга сам пришел на поклон. Одолжил бедняку денег. Предложил было по старой дружбе без отдачи, но рыбак наотрез отказался. Не захотел Янка принять и льготных условий расчета: обычно Озолс забирал себе половину улова, здесь же соглашался и на треть. Этим он как бы ставил последнюю точку в их дальнейших взаимоотношениях. Рыбак убеждал себя, что вся эта затея надолго не затянется. Месячишко-другой поработает, вынырнет из пучины, а там...

Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Безработица в городах в те кризисные годы становилась угрожающей. Тысячи крепких молодых людей не знали, к чему приложить силы, хватались за любое дело. Поток безработных устремился в деревню, в том числе и на побережье. Любой хозяин отныне, особенно весной, мог отбирать из этой толпы кого угодно и сколько угодно. И, разумеется, мог диктовать любые условия.

Янис Банга работал не покладая рук. Один, без напарника, в хорошую погоду и в ненастье. Он, казалось, и ночевал в лодке. Тем не менее заветная цель оставалась по-прежнему такой же далекой и недостижимой, словно бы рыбак греб против сильного течения. То, что когда-то представлялось временным, постепенно растянулось на долгие мучительные годы. Было невыносимо сознавать собственную беспомощность. Все при тебе: и руки, и ноги, голова на месте, а сделать ничего не можешь. Будто спелёнутый ребенок. Хотя умом Банга, конечно, понимал, что с ним судьба обошлась еще более или менее милостиво – и крыша над головой есть, и кусок хлеба на столе. Зента умудрялась даже кое-что откладывать на черный день. И все

равно на душе было мерзко. Особенно, когда пришлось поклониться Озолсу. Янка стыдился жены, конфузился соседей, даже перед маленьким сыном испытывал неловкость. А потом смирился. Вернее, не смирился, а заставил себя взглянуть на вещи иными глазами. Какого черта переживать? Разве он не собственным горбом зарабатывал себе на кусок хлеба? Не нравился Озолс? А не все ли равно, на кого шею гнуть? Не Озолс, так другой.

Потом организовалось акционерное общество «Рыбак». И хотя Якоб с самого начала стал бессменным управляющим его отделения в поселке, выглядело все это уже по-иному: более благопристойно и не так унижительно. Отныне Банга числился не батраком у хозяина, а равноправным членом-пайщиком кооператива. Таким же, как Озолс и другие. Работы добавилось, но заработки почти не изменились. Однако теперь Бангу волновали другие заботы: подрастал сын, смысленный и удачливый помощник: за что бы ни брался Артур – отец, вопреки запретам матери, таскал его в море с пяти лет, – у него все выходило толково и споро. Даже выдавшие виды рыбаки удивленно покачивали головами – надо же уродиться такому! Банга втайне гордился сыном, хотя внешне сохранял обычную суровость. Он связывал с Артуром самые светлые свои надежды. Чем черт не шутит, глядишь, и выйдет в люди. Хочет стать моряком? Надо сделать все, чтобы он поднялся на капитанский мостик.

Тревожило другое: у них с Озолсом опять начинались какие-то странные и непонятные взаимоотношения. И виной этому теперь уже были не они сами, а их дети. Янка так же, как и Якоб, вначале не обращал внимания на привязанность Артура к Марте. Затем, не без помощи жены, присмотрелся внимательней и, к своему удивлению, обнаружил, что сын действительно неравнодушен к соседской девчонке. Это не вызвало столь болезненной, как у Озолса, реакции, хотя невольная мысль о возможном родстве неприятно кольнула душу. Только этого не хватало.

Трудно сказать, как сложились бы их отношения в дальнейшем, попридержи Озолс свое недовольство. Но Якоб был так раздосадован и обескуражен, что едва владел собой. При встречах говорил резко, отрывисто, на Артура старался или вовсе не смотреть, или награждал такими взглядами, от которых невольно пробирал озноб. Якоб даже не догадывался, каким союзником в этом деле был для него Янис Банга. Многого мог снести рыбак: холод и нужду, обиду и несправедливость, но простить пренебрежение к сыну... Он потребовал, чтобы Артур не приставал к девчонке и не морочил ей голову. Потребовал и обескураженно отступил: сын посуровел и замкнулся. Никакие угрозы не помогали. Напротив, невинная детская дружба у всех на глазах перерастала в настоящую любовь.

По поселку снова поползли слухи. Конечно, никто не верил, что Озолс когда-нибудь согласится выдать дочь за сына Яниса Банги – слишком глубокая расщелина пролегалла между их домами. Но людям доставляло большое удовольствие наблюдать, как поведет себя их одноногий управляющий. Властный и всегда уверенный в себе, Якоб в этой истории предстал перед всеми обычным человеком – отцом, который не может справиться со строптивой дочерью.

На другом краю расщелины кипели не меньшие страсти. Там тоже не могли отвадить Артура от Марты. Призвали на помощь Калниньша – самого близкого и давнего друга семьи. Когда-то Янка и Андрис служили в одном полку, вместе кормили вшей на германском фронте, потом помогали русским большевикам устанавливать в Питере и Москве народную власть. В девятнадцатом вернулись в Латвию – устанавливать Советы, однако продержаться долго не сумели. С тех пор осели на побережье и жили между собой душа в душу, ожидая лучших перемен. Подружились жены, а сыновья – Артур с Лаймоном – росли точно братья.

Андрис Калниньш человек суровый, обстоятельный. Из тех, кто попусту слов на ветер не бросает. Сказал – сделает, пообещал – выполнит. Но и с другого спросит той же мерой, никому не побоится сказать правду. Его уважали и боялись. Уважали за доброту и честность, рассудительность и смелость, боялись меткого языка и прямоты. Даже те, кто были у власти и при силе, предпочитали без особой на то нужды не задевать своенравного рыбака. В отли-

чие от Яниса Банги, который все же свылался с обстоятельствами и наивно верил в посулы, Калниныш никогда попусту не обольщался. Он всегда точно знал, кто виноват в их бедах и с кем надо бороться. Терпеливо разьяснял, убеждал и отчаянно страдал от того, что люди не замечали и не понимали очевидных вещей. А если и понимали и даже соглашались с ним, то все равно больше, чем на разговоры, их не хватало. Чаще всего Андрис спорил с Янкой. Его бесило, что у Банги после девятнадцатого года будто хребет надломился – стал он каким-то покорным, пассивным, а в последнее время откровенно мечтал и поговаривал о личном благополучии. Видно, стремительный взлет Озолса не прошел бесследно мимо души бывшего дружка – вырубил-таки свою шербинку.

– Много ты наловишь в одиночку? – сердито допытывался Калниныш.

– Сколько ни наловлю, зато вся моя.

– Твоя? – взрывался приятель. – Или Озолса?

– Ну... лодка его. Сети тоже. Чего же ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты получал по справедливости. То, что заработал.

Янис не спорил, только грустно вздыхал:

– Так не бывает.

– А как же там? – задавал неизменный вопрос Андрис, кивая головой на восток.

– Так это же там, – невозмутимо парировал Янис. – А мы с тобой здесь.

И с Артуром Андрис начал решительный разговор в своей манере – прямо и откровенно:

– Понимаешь, сынок... Любовь, конечно, дело сугубо личное, и я бы ни за что не сунулся со своими советами, если бы не одно обстоятельство.

Артур, захваченный врасплох, густо покраснел, смущенно потупился. Одно дело, когда тебя по-свойски отчитывают мать с отцом, и совсем другое, когда с тобой говорят на равных, как мужчина с женщиной. Калниныш продолжал:

– Уж больно отец у твоей зазнобы сволочной.

Молодого Бангу неприятно покорило слово «зззноба», тем более, что в сочетании с ним Калниныш беспардонно припечатал «сволочной». Не поднимая глаз, парень спросил:

– А при чем тут ее отец?

– Отец? Да при том, что если Озолс когда-нибудь и согласится отдать за тебя Марту, так только в обмен на твою совесть. Такого же, как сам, сквалыгу из тебя сделает, понял?

– Почему же сквалыгу?

– Да потому, что другой ты ему не нужен.

– Так я же не на нем собираюсь жениться, – сгорая от стыда, через силу выдавил Артур.

– Э-э, парень, – криво усмехнулся Калниныш. – Не ты первый, не ты последний. Коготок увязнет, а там и всей птичке пропасть.

– У меня свой дом есть, – запальчиво вскинул голову Банга.

– Свой? – Андрис сочувственно посмотрел на него: мол, глупыш ты глупыш. – Уж прости за откровенность, но с твоей наивностью только под венец и идти. Да вы же одинаковые и разные, пока собираете в лесу цветочки или домики из песка на берегу строите. А разбежитесь по домам, так у тебя вон треска с черным хлебом да мать в мозолях, а у нее – лососина да Эрна не знает, с какого бока подойти. Неужели Марта согласится променять свою сытую жизнь на твою бедняцкую любовь? Ну, может, на месяц-другой ее и хватит. А потом?

– Я буду работать.

– Вот именно, работать. С твоих доходов она быстренько сбежит обратно к отцу или вы вдвоем на карачках поползете кланяться господину Озолсу, как твой отец когда-то. Голод – не тетка. А в нем и тот самый коготок спрятан.

Артур подавленно молчал. Калниныш сочувственно положил ему руку на плечо:

– Тут ведь дело какое, парень... Не случайно же говорят: сытый голодному не товарищ. От худого к хорошему идти проще, а вот наоборот...

– Значит, для того чтобы... – Артур замялся, подыскивая подходящее слово, но так и не нашел. – ...Мне тоже надо стать богатым?

– Во всяком случае, такой ты им, конечно, не нужен. Ни отцу, ни дочери.

– Вы не знаете Марту, – снова запальчиво выкрикнул Артур.

Калниньш снисходительно усмехнулся:

– Я знаю жизнь, сынок.

Молодой Банга долго молчал, о чем-то думал, затем произнес:

– Значит, я стану богатым.

Андрис огорченно посмотрел на парня – он и представить себе не мог, что Артур сделает такой неожиданный вывод из их разговора. Надо было заходить с другой стороны.

– Богатым, как Озолс? – спросил он внешне безучастно.

– Какая разница? Таким, не таким... Главное – богатым.

– Твой отец всю жизнь не разгибает спину...

– Я буду еще больше работать.

– Думаешь, дело только в этом?

– А в чем же еще? Кто не боится мозолей и у кого есть голова на плечах...

– Ты хочешь сказать, что у нас с твоим отцом не хватает ума и мы лодыри?

Артур смутился:

– Нет, зачем же... Но иначе не разбогатеешь.

Калниньш достал трубку, набил ее табаком, жадно затянулся. С едва заметной хитринкой посмотрел на парня:

– Скажи... Вот я взял у тебя займы десять латов. Сколько надо будет вернуть?

– Что значит, сколько? Сколько взяли, столько и вернете.

– Правильно. Это тебе. А как в таком случае поступают Озолс или Аболтиньш? Если бы они раздавали деньги без процентов, откуда их богатству взяться? Ну а ты так сможешь? Дальше: ты считаешь справедливым, что Озолс забирает себе половину улова?

– Но ведь он дает лодки... И снасти.

– А сколько он имеет с этой половины, ты никогда не вдумывался? Вы с отцом из моря не вылезаете, жизнью каждый день рискуете, а он сидит себе на берегу и набивает карманы. Неужели паршивая лодка и кусок дырявой сети весят столько же, сколько две ваши жизни?

– Не знаю.

– То-то. Ты бы мог жениться, как Озолс? Не на Дзидре, а на корове и лошади? Или Аболтиньша возьми. Неужели тебе хочется стать таким же?

– По-вашему, выходит, быть богатым и оставаться порядочным нельзя. Тогда почему все хотят разбогатеть?

– Эх, Артур. Посмотри на меня или своего отца. Что мы, глупее всяких там Озолсов и Аболтиньшей? Думаешь, мы не сумели бы добыть богатство, как они? Нет, дружище, сумели бы. Только совесть не позволяет. Как бы честно ни выглядел богач, какие бы ни совершал благодеяния, все равно в каждом грамме его золота есть капельки твоей и моей крови. Когда одному принадлежит все, а другому ничего, это значит, что один сгреб в свою кучу и твое, и мое.

Больше на эту тему Андрис Калниньш не заговаривал. Зато его сын Лаймон, внешностью и характером удивительно похожий на отца, не упускал случая вставить язвительную шпильку и пройтись по поводу влюбленных. Он тоже не терпел Озолса и, наверное, поэтому переносил свою неприязнь на Марту. Молодой Калниньш ни за что не признался бы даже самому себе, что для неприязни есть и другая причина: самая обычная, банальная ревность. Было невыносимо видеть, как эта тихоня с голубыми глазами все настойчивей уводила от него товарища. Даже намерение Артура поступить в мореходное училище Лаймон расценивал не иначе как

следствие ненормальной любви друга. Просто-напросто Артур лезет вон из кожи, чтобы хоть таким путем – с помощью золотых нашивок – добиться благосклонности будущего тестя.

Чем больше проходило времени, чем быстрее выросли Артур и Марта, тем сильнее росла их взаимная привязанность. И хотя теперь они все реже показывались вдвоем на людях – пора детской беззаботности уходила безвозвратно, – значение и смысл новых, скупых встреч становились совсем иными.

Артур и Марта могли часами молча бродить по лесу, сидеть где-нибудь на заброшенной мельнице или на берегу моря у старого карбаса и не испытывать при этом ни малейшей скуки. Каждый раз, прибегая на свидание, Артур открывал в девушке что-то новое, доселе неизвестное и, конечно, всегда прекрасное. То же самое происходило и с Мартой. Они никогда не ссорились и не лгали друг другу. Впрочем, до поры до времени. Один эпизод, темной тучкой проплывший по их безоблачным отношениям, заставил обоих кое о чем призадуматься. Это случилось как раз после разговора молодого Банги с Андрисом Калниньшем. Тогда Артур впервые пришел на встречу непривычно мрачный и подавленный. Марта не стала приставать с расспросами, хотя чисто по-женски почувствовала неладное. Парень долго молчал, на слова девушки откликнулся неохотно и невпопад и, наконец, собравшись с духом, выпалил то, что не давало ему покоя:

– Вот жизнь... Один спины не разгибает, в лодке днюет и ночует, а ни черта, кроме мозолей, не имеет. Другой сидит себе на берегу, поплевывает в воду и сундуки набивает.

Марта вспыхнула, посмотрела ему прямо в глаза:

– Ты имеешь в виду моего отца?

Артур смутился, промычал в ответ что-то невнятное. А девушка, гордо вскинув голову, сухо сказала:

– Не знаю. Сколько помню отца, всегда за работой. Затемно встает, затемно ложится. И вообще в нашем доме белоручек не было.

Марта говорила правду. Тем не менее Банга угрюмо спросил:

– Откуда же тогда берутся бедные?

Она упрямо поджала губы:

– Чужое считать проще.

Вот так. Не слукавил, значит, Андрис Калниньш. Только песок на берегу общий, а деньги врозь. К горлу комом подступили недоверие и обида. Нет, Артур и раньше кое о чем догадывался – не настолько он был наивным, чтобы не понимать разницы между ними, – но остро и откровенно он почувствовал это впервые после того вечера. Они, конечно, помирились и словно бы забыли о неприятном инциденте, но каждый сделал для себя вывод. Марта поняла, что впредь надо быть осторожней и не задевать его самолюбия; Артур... Засевшая в нем идея собственного богатства еще больше укрепилась – он уверял себя, что путь к руке любимой лежит для него через капитанский мостик.

Банга добился своего и поступил в училище. На это ушли почти все сбережения, но отец денег для сына не жалел. Янис верил, что затраты на учебу рано или поздно окупятся. А через год в Ригу, в университет, уехала и Марта.

Именно в это время Банга-старший затеял единственную и отчаянную авантюру в своей жизни. Он решил построить дом и купить новую лодку. Трудно сказать, что побудило рыбака на этот крайне необдуманный поступок. То ли отчаяние от несбывшихся надежд, то ли фанатичная вера в успехи сына, то ли задетое самолюбие – в последнее время в поселке только и судачили о Янисе и Якобе, вернее об их детях. Во всяком случае, рыбак решил одним махом выбиться в люди и закрепиться на поверхности. Он попросил у акционерного общества кредит. Там поскрипели, поскрипели – запрошенная сумма была велика, – но просьбу все же удовлетворили: отказывать такому рыбаку, как Янис Банга, было неблагоприятно. Тем более, что

общество ничем не рисковало. Всегда, в случае чего, можно было через суд потребовать возмещения убытков. Не погнушался Янис призанять денег даже у Озолса.

И вот когда, казалось, все пошло, наконец, нужным курсом: поставил дом, купил лодку, не сегодня-завтра сын станет капитаном, судьба преподнесла рыбаку свой последний, безжалостный сюрприз.

Артур едва успел на похороны.

...Калниньш спрашивает, что Артур будет делать с мореходным училищем. Неужели дяде Андрису не ясно – оно пошло ко дну вместе с отцом.

Глава 2

Озолс вернулся в воскресенье. В добротной коляске, запряженной рослой кобылой, которой правил Петерис, не спеша катил по поселку, слегка касаясь ладонью полей шляпы в ответ на почтительные приветствия. На улице было по-праздничномулюдно, и тем торжественнее выглядел его приезд. Крупный, гладкий, с мужицки простым, но холеным лицом, он восседал в своей коляске, гордо выпрямившись. Густые, кустистые брови придавали ему выражение властное и значительное. Что ж, полагал хозяин коляски, у него были все основания рассчитывать на особое уважение и признательность. Сам он уже давно позабыл, когда просил в последний раз займы. Как сейчас, пожалуй, ни за что не припомнил бы, кому он в поселке чего-нибудь не одалживал. Разумеется, не в ущерб своему добру, но все-таки... А с тех пор как стал председателем поселкового правления общества «Рыбак», власть и вес Якоба поднялись на недостижимую высоту.

Аболтиньш, трактирщик, еще издали заметил коляску и как был в переднике, так и выскочил на крыльцо.

– С приездом, господин Озолс! Наконец-то вы дома. Как съездилось? Что нового в Риге? Якоб небрежно махнул рукой:

– А-а! Сумасшедший дом. Шум и толкотня. А тут... Как с поезда сошел, будто в рай попал.

– Не желаете ли стаканчик с дороги?

При слове «стаканчик» Петерис жадно сглотнул, с надеждой посмотрел на хозяина. Тот понимающе усмехнулся, проговорил полушутя, полусерьезно:

– Стаканчик да рюмочка доведут до сумочки.

– Я понимаю, в Риге у господина Штейнберга наклейки поаппетитнее, – уязвленно проговорил трактирщик.

– Катился бы он в свою Германию, господин Штейнберг. Вот полюбуйте, самое свежее, – Озолс протянул Аболтиньшу газету.

Тот развернул сложенный по размеру кармана лист, негромко прочел:

– Вчера по приглашению министра иностранных дел Латвии господина Мунтерса город Лиепая с дружественным визитом посетила немецкая военная эскадра. Как заявил на пресс-конференции командующий эскадрой адмирал Бернгард...

Глаза Озолса полыхнули гневом.

– Три дня назад потопили наш пароход с лесом, а теперь хватает наглости...

– Но ведь Гитлер всюду заявляет, что он наш друг.

– Он и Литве друг. А как ловко у нее Клайпеду отхватил? Я уж не говорю об Австрии, о Чехословакии. Тут не нахальством, чем-то похуже пахнет.

– Неужели вы думаете?..

– Не знаю. Умные люди на всякий случай запасают кое-что. Сахар, крупу, спички...

– Не дай, господи, – у меня в доме парень подрос.

Озолс молча достал пачку «Графф», угостил Аболтиньша.

– А как у дочки успехи? – с удовольствием затягиваясь папироской, полюбопытствовал тот. – Поди, лучшая студентка в университете?

– Ну, может, и не лучшая... Вообще-то молодцом!

– Дай вам бог... А у нас в поселке несчастье.

– Знаю. Петерис рассказал.

Аболтиньш с беспокойством посмотрел в сторону церкви, что была неподалеку; из нее выходили прихожане. Усмехнулся:

– Старые грехи отмолили, сейчас ко мне за новыми придут.

– Хозяин, может, и нам заглянуть в храм божий? – не выдержал Петерис.

Озолс ослабилась:

– У тебя что, грехов много?

– У меня?!

– Давай трогай, святой! Тебя жена ждет.

– Кого?! Меня?! – Глаза у кучера потемнели, злая судорога пробежала по лицу. Он так яростно хлестнул лошадь, что Озолс едва не вывалился из коляски. В поселке уже давно было известно, что если Эрна кого-то и ждет, то только не своего Петериса.

Артур сидел на кухне, чинил сеть.

– Поешь! – Мать поставила рядом кружку с молоком, придвинула кусок хлеба, намазанный медом. Банга отложил моток, взял кружку, задумался. Луч солнца, падавший из окна, зажег радужный узор на фаянсе. Эту кружку Артур помнил с детства: та самая, что стояла потом на поминках перед пустым стулом. Как все-таки странно и жестоко устроена жизнь: еще вчера все было по-иному – был отец, была надежда... Артур чуть не застонал от боли. Мать, словно бы прочитав его мысли, отвернулась, пошла к плите. И остановилась на полпути, увидев входившего Озолса.

– Бог в помощь, Зента! Прими мои соболезнования.

Она опустила голову, заплакала.

– Господь дает, господь забирает, – скорбно продолжал Озолс. – Хороший был у тебя муж, по такому не грех и поплакать. И отец был хороший. – Он заметил Артура.

– Проходи, Якоб.

Озолс заковылял в комнату, волоча непослушный протез. Сейчас – не на людях, не в коляске – он не казался таким бравым. Инвалид, сутуловатый, оплывший, он грузно опустился на стул подле стола, положил на скатерть руки, большие и натруженные, сумрачно огляделся. Негромко спросил:

– Слышал, ты дом продаешь.

Зента потупилась. Ее пальцы нервно теребили передник.

– Что поделаешь, Якоб... Долги... – хотела еще что-то добавить, но в дверном проеме показался Артур.

– Погоди, мать, – хрипло проговорил он. – Насчет отцова долга не беспокойтесь, за нами не пропадет.

Озолс предостерегающе поднял руку:

– Постой, сынок, не горячись. Скажи, Зента, сколько у вас осталось невыплаченной ссуды за дом?

– Около семисот латов. И тебе триста. Вот и получается...

– Ну, между собой мы пока считаться не будем... А ссуда... Неважно у меня, правда, с наличными, да ничего... Ссуду вашу я погашу. С банком лучше не тянуть. Проценты...

До Зенты трудно доходил смысл его слов.

– Как, ты сам... наши долги?

– А ты что думала? Пришел рубашку последнюю с вас снимать? Мы же люди... Всю жизнь прожили рядом. Янка, почитай, братом был мне...

– За доброту вашу спасибо. Но мы так не можем, – самолюбиво перебил его Артур.

Озолс опять предостерегающе поднял руку:

– Я не милостыню вам предлагаю. Заработаешь – отдашь. Промысловый участок отцовский правление тебе оставит. Может, еще и прибавим немного.

– А ловить на чем?

– Лодку пока возьмешь у меня. Моторная, пятнадцатисильная. К тебе любой напарником пойдет. А зимой на озера, за карпом. Он теперь в хорошей цене. Я думаю, если каждый третий

улов мой – не так уж много получится. Глядишь, постепенно и отдашь отцовский долг. Ну что, по рукам?

Артур в нерешительности помялся, но упираться не стал:

– Согласен.

– Выбери, что лучше – расписка или вексель?

– Вексель.

Утром вдоль всего берега шла работа – рыбаки волокли к морю карбасы, загружали снасти, готовились к путине. Озолс, с погасшей трубкой в зубах, приглядывал за своей артелью. Мимо него то и дело пробегали люди – кто с веслами, кто со связкой балберов – поплавок.

– Невод куда грузить? – согнувшись под тяжестью сложенной сети, остановился рядом с ним Артур.

– Во-он в тот карбас, к Фрицису, – Озолс неодобрительно посмотрел на парня: – Чего один надрываешься? Помочь некому?

– Да мне – раз плюнуть! – молодецки крикнул Банга и, стараясь держаться прямо, пошел к лодкам.

– Заботу показываешь? – желчно бросил подошедший Калниньш. – Теперь можно – вексель-то выхватил!

Озолс обернулся, раздраженно бросил:

– Все ты мечешься, как ужаленный. Суешься в каждую дырку... Нехорошо.

– Нехорошо? – сузил глаза Калниньш. – А людей одурачивать, с голого последнюю рубаху снимать – хорошо?

– Послал бы я тебя... Надоело, понимаешь? Давай хоть раз потолкуем по-человечески.

– С тобой толковать!..

– Нет уж – давай! – Озолс ухватил Калниньша за рукав. – Сядь-ка. – Первым опустился на борт дырявого карбаса, достал портсигар – там было пусто. Калниньш, не глядя, протянул свои папиросы. Задымили.

– Ты вот векселем меня попрекнул, – пыхнул дымком Озолс. – А я, между прочим, его не тянул, они сами...

– Ясно – сами, – перебил Калниньш. – Ты знал, на какую наживку ловить. Как же – гордые, честные...

– Правильно, честные. А ты хотел, чтобы сын отцов долг замотал? С обмана жизнь свою начал?

– Да какой долг? Какой? Янка на тебя девять лет горбатился. Да он втрое свой долг отработал. – Калниньш уперся в Озолса требовательным взглядом.

– Ну, знаешь, так рассуждать... Может, по-твоему, еще я ему должен? Они не то что вексель – дом хотели продать, чтобы рассчитаться. Другой – тот же Аболтиньш, к примеру, – стал бы церемониться? Ну-ка, скажи?

Калниньш промолчал.

– То-то! А я и парня к делу пристроил, и кусок хлеба в руки дал. Да еще с банком за них рассчитался. Мало?

– Благодетель... Из отца душу мотал, теперь на сыне покатаешься.

– Да что ты все к той бумажке цепляешься? Бумажка, бумажка... Может, я про нее и вовсе забуду.

– Ты-то? – Калниньш скривился в злой усмешке. – Пожалуй, забудешь.

– А тебе хотелось, чтобы у меня память и вовсе отшибло? – тихо, с придыханием спросил Озолс. – Ну а мои долги кто вернет?! Вот эту самую... – Он зло хлопнул себя по протезу. – Много мне потом помогли? На чурбак этот скинулись? Так-то, сосед, – чужое легко считать. А как оно досталось – слезами ли, кровью... А! – Озолс махнул рукой и заковылял по песку.

Лодки, одна за другой, отходили от берега. Море, по-утреннему тихое, стелилось зеркальной гладью. Далеко над заливом разносились веселые, зычные голоса рыбаков – те перекликались, перекидывались нехитрыми шуточками:

– Эй, Друкис, невод забыл!

– Где?

– У бабы под кроватью. Гребь обратно, а то, глядишь, кто другой утащит, – дружно орали с соседней посудыны.

Артур заметно нервничал: то схватится за плицу², то слани³ поправит...

– Что ты мечешься, как Аболтиныш по трактиру? – не выдержал сидевший на руле Фрицис Спуре.

– Я? – вспыхнул Артур. – Так я же... это...

– Он же... это... – передразнил Лаймон. – Службу показывает. Думает, Озолс зятька будущего с берега увидит.

– Помолчи, Лаймон, – оборвал Фрицис. – А ты, сынок, спину-то побереги. Хоть она у тебя, видать, крепкая, да не таких здесь обламывали. Работашь – и работай!

Артур поймал насмешливый взгляд Лаймона, недовольно насупился.

Летним солнечным днем по дороге, обсаженной высокими вязами, катила добротная озолсова коляска. Она только что отъехала от станции – паровозный свисток и шум отходящего поезда ненадолго заглушил цокот копыт. В повозке, среди груды коробок и лакированных чемоданов сидела девушка. В свои девятнадцать Марта Озола была удивительно хороша и, что случается нечасто, почти лишена кокетства. Но именно эта серьезность и придавала облику девушки особую, благородную прелесть. Серый, элегантно простой английский дорожный костюм очень шел ей.

– А пруд? За мельницей, где ивы? – расспрашивала она Петериса. – Не построили еще там новую купальню?

– За мельницей? – задумчиво переспросил возница. – Туда как раз на прошлую пасху мельник свалился. От Круминьшей шел.

– Утонул?

– Как же, утонет! Теща с женой откачали. А он, как очнулся, – таких фонарей им навешал. Неделю синяки мукой присыпали.

Марта, отвыкшая от грубых деревенских нравов, только пожалала плечами. Но, помолчав секунду, снова спросила:

– Петерис, а где сейчас танцуют? Как и раньше, у Аболтиныша?

– Во-во, там его шурин после и подстерег, в трактире. И, значит, бутылкой... По башке.

– Кого?

– Да мельника же! За сестру, значит. Все так и ахнули – бутылка вдребезги, а башка хоть бы что. Только шишка вскочила.

– Какой ты странный, Петерис, – городишь всякую чепуху.

Впрочем, будь она повнимательней, ход рассуждений кучера не так удивил бы ее – время от времени Петерис доставал из-за пазухи фляжку и понемногу прикладывался.

– А как Бирута? Замуж еще не вышла за Лаймона?

– Бирута? Это Фрицисова дочка, что ли? – Зариньш захихикал. – Тут, я вам доложу, барышня, такая история вышла. У них – аккурат под рождество – свинья опоросилась. Заходят, значит, в сараюшку, а там...

---

² Плица – черпак для откачки воды из лодки.

³ Слани – настил на дне лодки.

Финал истории со свиньей остался неизвестным. Лошадь вдруг шарахнулась – мимо них, громко сигнала, промчался ярко-красный автомобиль с откинутым верхом. Водитель, молодой человек в спортивном кепи, мельком взглянул на Марту и, не то извиняясь, не то приветствуя, слегка наклонил голову. На его продолговатом, с тонкими чертами лице аристократа резко выделялись хищный нос и сочные, чувственные губы.

– Кто это? – спросила Марта, удивленно разглядывая удаляющийся автомобиль.

Петерис, раздраженно шваркнув вожжами по крупу лошади, ответил почти трезвым голосом:

– Катаются. А чего не кататься, когда денег куры не клюют? Лосберг это, молодой. Приехал давеча из Германии.

– Они по-прежнему на своей даче?

– А где же еще?..

К ее приезду пеклись пироги. Ядреная краснощекая кухарка ловко таскала их из духовки, месила тесто для новых. Озолс, приодетый, толкался на кухне, поглядывая на прислугу.

– Ох, Эрна, гляди, прогонит тебя Петерис, такую растяпу, – шутивно попрекнул он за упавшее на пол яйцо. – Дома, поди, яички-то бережешь. Мужнее добро...

– Мужнее... – Кухарка брала яйца из огромной корзины, небрежно разбивала их в тесто. – На мужнем разживешься...

– Однако разжилась. Или не на одном мужнем? Свет-то не без добрых людей? – Якоб следил, как Эрна сажала пироги в духовку и, нагнувшись, белела толстыми икрами.

– А тебе жалко, что разжилась? Говорят, мужики сдобных-то лучше уважают.

– У тебя уж не сдоба... – прищурился Озолс, алчно созерцая мощную корму. – Целый каравай!

– Озорник ты... – Эрна кокетливо одернула юбку. – Седина-то, говорят, в бороду...

Лицо Озолса вдруг изменилось – будто и не лоснилось только что похотливо. Словно душа – любящая, тревожная – проглянула сквозь щелки глаз.

– Марта, доченька... – бросился он из кухни, впопыхах опрокинув корзину с яйцами.

– Ну и ну! Яичком попрекнул, – сокрушалась кухарка над глазуньей, расплывшейся на полу.

Весело возвращалась артель с удачного лова. Карбасы чуть не доверху серебрились трепещущей рыбой.

– Давай, Друкис, жми, пока Аболтиныш замок не повесил.

– Не повесит. Он свое за пять верст чует, – Марцис подкинул на ладони увесистую рыбину.

– Артур, что притих? С новенького, учти, двойной спрос.

– Тоже мне – гуляка. Да он сроду в трактире не был. Все за книжками. Капитан!

– Нашел, чем попрекнуть, – обрезал Марциса Спуре. – Сам-то хоть расписаться умеешь?

Артур хотел было ответить насмешнику, но вдруг замер, глядя на берег: там мимо развешенных сетей – он узнал ее сразу – медленно шла Марта. С детства ей помнился их терпкий запах – отдавало водорослями, морем, рыбой. Ветер раскачивал сети, теребил застрявшие в ячейках травинки. Она остановилась на краешке песчаной косы, с ожиданием глядя в море.

Карбасы один за другим подходили к берегу. Над ними с пронзительными криками сновали чайки. Не утерпев, Артур выскочил из лодки – благо, сапоги чуть не до пояса – и в тучах брызг бросился по мелководью к берегу. Она – навстречу. Остановились, не добежав шага. Короткие, кажущиеся незначительными, фразы обрубало волнение.

– Марта! Ты когда приехала?

– Утром еще. Не ждал?

Он не ответил, только радостно смотрел девушке в глаза.

– А я давно здесь жду... Была у твоей мамы... Я же ничего не знала...

Артур молча опустил голову. Она осторожно взяла его большую, твердую ладонь, еле заметно сжала. Почувствовав нежное тепло ее пальцев, парень словно оттаял.

– Надолго?

– Думаю, на все лето.

С лодок уже сгружали рыбу. Огромными деревянными совками черпали живую, шевелящуюся массу, ссыпали в плетеные двуручные корзины. Женщины грузили их на стоящую прямо в воде телегу. И над всем этим – над карбасами, над лошадьё, над людьми – белой тучей носились чайки, выхватывая рыбу чуть ли не из рук. Кто-то не выдержал, укорил парня:

– Артур, лодырь чертов! Хоть бы подсобил.

– Оставь. Все равно не слышит, – усмехнулся Калниныш.

– Очумел, что ли?

– Они оба очумели. С пеленок еще.

Озолс все слышал и видел. Он недовольно поморщился, шагнул к молодым людям.

– Слушай, там Марцис карбас разгружает. Один.

– Да, иду, – виновато ответил Артур и заспешил к лодке, на ходу еще раз обернувшись к Марте.

Якоб посмотрел на босые ноги дочери, брошенные на песок туфли, покачал головой:

– Море еще холодное, дочка. И песок тоже.

Марта не ответила. Подняла туфли, пошла. А отец заковылял навстречу телеге. Достав из корзины мелкую рыбешку, швырнул ее обратно:

– Где такой мелочи набрали? Учти, по двадцать сантимов – дороже не протолкну.

– Вчера по тридцать за ящик давали, – рассердился Калниныш.

– Цены устанавливает Рига. Центральное правление. Я ими не командую.

– Ты нам зубы не заговаривай. Центральное правление... Знаем мы твое правление. Дай вам волю...

– Ну что ты за человек, Калниныш? Да кому нужна эта дохлятина? Рынок переполнен. Скажи спасибо, если на рыбзавод протолкнуть удастся.

Калниныш от неожиданности остановился, смерил Озолса ненавидящим взглядом:

– Мы тебе такое спасибо скажем... Ты у нас еще допрыгаешься... Пригрелся на берегу ни холодно, ни мокро.

– А ты забыл, почему я на берегу?

– Пошел-ка ты...

– Нет, ты все-таки ответь.

– Да пошел же, я тебе говорю! – Калниныш настолько недвусмысленно замахнулся, что Якоб невольно отступил в сторону.

– Будь ты проклят! – в сердцах проговорил он и торопливо заковылял к складу, подле которого стоял грузовик с надписью на борту «Акц. об-во “Рыбак”». С него сгружали пустые ящики, кто-то возился с весами.

Стройный корвет, сверкающий белизной парусов, казалось, парил над волнами. Артур задумчиво, с грустью смотрел на маленький кораблик. Рядом стояло еще несколько моделей – его скромная коллекция. Полка с книгами по навигации, старинный секстант, морская карта – атрибуты несбывшейся мечты. Он поправил на модели бизань, снял с вешалки свой форменный китель, смахнул с него пылинку и, надев фуражку, шагнул было к выходу. Но в этот момент в комнату вошел Лаймон.

– Хорошо, что застал тебя дома. Пошли!

– Куда?

– Наши собираются, разговор есть. Как ты считаешь – это честная торговля, если у нас салаку берут по двадцать сантимов за ящик, а продают, знаешь, за сколько? Почему Озолс на это закрывает глаза?

– А что он может сделать? – пожал плечами Артур. – Цены устанавливает центральное правление.

– Тогда зачем мы его выбирали, если он ничего не может? Или не хочет? Держится за свое местечко, с Ригой ссориться не желает. Значит, своя выгода есть.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Никто его фокусов не может понять. Об этом и разговор. Пошли!

Артур задумчиво вертел на пальце фуражку.

– Не пойду, – смущенно сказал он.

– Та-ак, – протянул Лаймон. – Значит, всю жизнь будешь отплясывать перед ним за свой долг. А может, еще причина есть?

– Думай, что говоришь, – нахмурился Артур.

– А ты-то думаешь, что Озолс мечтает с тобой породниться? – Лаймон хмыкнул, круто повернулся и с треском захлопнул за собою дверь.

Две цепочки следов протянулись по пустынной полосе влажного песка у моря. Большие и маленькие – у самой кромки прибоя. Волны, накатываясь на отмель, постепенно смывали их. Следы вдруг свернули в сторону.

Мужская рука опустилась в воду, отмывая кусок янтаря. Артур поднялся и протянул влажный камень Марте. Положив на ладонь, она смотрела сквозь него на уходящее за горизонт солнце: в причудливо ограненном природой куске застывшей смолы горел и плавился солнечный луч, открывая дикий мир внутри самородка.

– Как ты его нашел? – не отрывая восхищенных глаз от янтаря, спросила Марта.

– Так же, как тебя. Искал – и нашел.

– Как светится! Я таких еще не встречала.

– И я не встречал. Ты одна такая.

– Да ну тебя, – смутилась Марта. – Давай лучше что-нибудь загадаем. Ты первый.

– Но я не умею. Надо какое-нибудь волшебное слово, наверное...

– Нет – просто загадай. Подумай о том, что тебе больше всего хочется, и загадай.

Артур нагнулся к лежащему в ее раскрытой ладони янтарю и осторожно подышал на него – лицо парня стало необыкновенно серьезным.

– Не хочу загадывать, – грустно проговорил он.

– Почему? – одними губами спросила Марта.

– Потому что, кроме тебя, мне никого не надо. – Артур осторожно обнял девушку, хотел поцеловать, но вдруг отстранился, прислушиваясь, – издали донесся крик. Казалось, звали на помощь.

По пляжу, крича и размахивая руками, кто-то бежал. Это был Зигис, сын Аболтиньша, – в мокрой рубахе, босой.

– Артур! Эй, Артур!.. На помощь!..

Банга рванулся ему навстречу.

– Там Рихард! Яхту опрокинуло, он тонет, – подбегая, бессвязно выкрикивал Зигис. – Нас перевернуло. Я поплыл, а он... черт побери, не умеет.

– Ты что, бросил человека в море? – оттолкнув Аболтиньша и срывая с себя одежду, гневно крикнул Артур.

Подбежала Марта:

– Что случилось?

– Там Лосберг, тонет...

Судорожно вцепившись в борт опрокинутой яхты, Рихард из последних сил держался на воде. Волны захлестывали его, сбивали дыхание. Он отчаянно хватал воздух, то скрываясь под водой, то снова выныривая.

Артур все еще бежал навстречу волне, торопясь добраться до глубины. Ему показалось, что неподалеку мелькнуло что-то темное – может быть, борт опрокинутой яхты.

– Эй, там, держись! – Он поплыл, рассекая воду мощными взмахами рук.

Марта тревожно наблюдала за ним с берега, но скоро потеряла из виду – теперь она видела только пляшущие на волнах солнечные блики. Вдруг опомнилась, обернулась к дрожащему от холода молодому трактирщику, яростно крикнула:

– Что ты стоишь? Беги за лодкой... Людей зови...

Спохватившись, Зигис бросился к поселку.

Рихард изнемогал. Он все чаще погружался в воду, захлебываясь, едва не терял сознание. Наконец, настолько ослабел, что руки разжались и волна безжалостно отбросила его от яхты. Безумным усилием, отчаянно барахтаясь, он попытался вновь подгрести к посудине, ухватиться за спасительную твердь, но вдруг почувствовал: судорога свела ноги. Не выдержав, закричал дико, хрипло... И в этот момент увидел Бангу, плывущего в толчее волн.

– Держись! – Артур подплыл к яхте. Несколько секунд он яростно боролся с волнами, нащупывая что-то под пляшущим бортом.

– Круг! – крикнул он Рихарду. – Где круг?

Но Лосберг не слышал. Он только мотал головой, отплевывая воду. Банге удалось нащупать круг. Он лихорадочно дергал, выдирая его из гнезда. Выдернул, наконец. Держась за борт, с трудом успокоил дыхание.

– Хватайся! – подгрел с кругом к Рихарду, но заметил его бессмысленный, обезумевший взгляд и гневно прикрикнул: – Держись! Хоть зубами, чем хочешь, только держись!

Они поплыли. Волна подхватила их, кинула в сторону берега.

Зента поставила перед Артуром миску с едой и уселась в углу с вязаньем.

– Ты бы поосторожнее с Мартой, сынок, – мягко заметила она. – Все-таки, не дети уже.

Артур на секунду оторвал взгляд от книги, из которой выписывал что-то в тетрадь.

– А что я? – смущенно пробормотал он. – Мы же занимаемся. Она мне вон книжки дает. Не могу же я каждый раз учителю надоедать.

– Книжки-то – книжки, – вздохнула мать. – Только все же поосторожней бы надо. Не забывай, что Озолс для нас сделал.

– А он-то при чем тут? Разве я Марту обидеть хочу?

– Вот и не обижай. Уж послушай меня, сынок, – не вбивай лишнего в голову ни себе, ни ей.

– Да с чего ты взяла!

– Ладно тебе... Разве я была бы против. Только люди-то верно говорят: руби дерево по себе, чересчур не замахивайся. Не забывай, кто мы, кто они.

– А кто мы? – запальчиво крикнул Артур. – Кто мы? Не люди, что ли?

В доме у Озолса Эрна накрывала стол к обеду на четверых. Вошел хозяин – хмурый, озабоченный. Хотел было пройти к своему месту, но вдруг ухмыльнулся, аппетитно хлопнул кухарку по обширному заду. Та испуганно оглянулась:

– Ты что, Якоб? Мой и так косится...

– С чего бы это?

– Вот именно, – лукаво откликнулась она.

Эта улыбка, словно магнит, притянула его к женщине. Забывшись, Озолс облапил кухарку, с силой привлек к себе, неуклюже зашарил рукой по талии, явно намереваясь расстегнуть юбку.

– Якоб! – испуганно озираясь на дверь, Эрна уперлась ему локтями в грудь. – Якоб, опомнись! Якоб... – попыталась было оттолкнуть, но вдруг поняла, что из этого ничего не выйдет – уж слишком неравными были их силы, – заговорила ласковым, медовым голосом: – Вечером, миленький, вечером.

Смысл ее слов медленно, с трудом дошел до сознания Озолса: он нехотя отпустил женщину, багровый и потный сел на стул, какое-то время разглядывал ее исподлобья затуманенными глазами.

– Смотри же, вечером! Не забудь.

– Не забуду, – Эрна дрожащими руками расставляла на столе тарелки.

– Не забудешь? – И вдруг расхохотался, словно сказал что-то необыкновенно остроумное.

Вошла Марта. Отец пугливо покосился в сторону девушки и, стараясь скрыть смущение, пробурчал:

– Моя дочь вечно опаздывает. Как и твой муж, Эрна. Где хлеб?

Кухарка торопливо протянула ему темно-коричневый каравай, раздраженно крикнула в распахнутую дверь:

– Петерис, ну что ты там копаешься? – Подождала, пока тот займет свое место, разлила суп, присела рядом с супругом. Некоторое время слышались лишь стук ложек да аппетитное чавканье мужчин.

– Ты, Петерис, к жене своей претензий не имеешь? – неожиданно спросил Озолс.

Петерис так и застыл с ложкой у рта, испуганно обмерла и Эрна. А Озолс продолжал:

– А я имею. Опять суп недосоленный.

Эрна облегченно вздохнула, подала солонку:

– На всех не угодишь, хозяин.

Озолс высыпал в тарелку щепоть соли. Марта заметила:

– Я читала, папа, что в твоём возрасте солью злоупотреблять не надо.

Озолс набычился:

– В моём возрасте... Дай бог всем быть такими в моём возрасте.

Снова наступила пауза, которую теперь уже нарушил Петерис:

– А твой парень-то – хват, – обратился он к Марте. – В поселке только и разговоров про него.

Девушка невольно улыбнулась, а Петерис продолжал:

– Гляди, еще медаль получит.

Озолс окинул толстяка ненавидящим взглядом, бросил Эрне:

– Мясо давай! Заснула, что ли?

Кухарка бросилась к плите, подала блюдо с жарким, Она делала мужу какие-то предостерегающие знаки, но тот, словно ничего не замечая, продолжал:

– Говорят, молодой Лосберг хочет в газете напечатать про твоего Артура.

Хозяин с грохотом отшвырнул тарелку:

– Что ты заладил, как попугай, – твой Артур, твой Артур! В сваты, что ли, нанялся?

Петерис пожал плечами:

– Да я что? Люди говорят.

– Люди, – зло передразнил Озолс. – Поменьше сплетен таскай.

– Кто, я?

– Ты, именно ты. Дурак!

Петерис изменился в лице, отодвинул тарелку, медленно поднялся:

– Ну, спасибо, хозяин, накормил.

– Дурак и есть дурак, – уже не владея собой, повторил Озолс.

Петерис хотел что-то ответить, открыл было рот, но решительно вмешалась Эрна: подошла к мужу вплотную, едва слышно проговорила:

– Убирайся!

Тот побагровел, посмотрел на жену налитыми кровью глазами, грубо оттолкнул в сторону.

Муж уже давно был за порогом, а Эрна все стояла, охваченная предчувствием беды – гнетущая тишина воцарилась в комнате. Наконец, ни на кого не глядя, глухо проговорила:

– Ладно, мне коровник чистить.

– Иди, – так же глухо согласился Озолс. Он подождал, пока захлопнется дверь, раздраженно повернулся к дочери: – Ну вот что, дочь... мне все это надоело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.